

АНАТОЛИЙ ШИНКИН

ЗА СЧАСТЬЕМ...

Лучший из курортных романов

16+

Анатолий Шинкин

Тихая замена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57151276

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой один – Андрей, от его имени ведется повествование. Основное действие развивается на Бермудских островах, куда забросила группу, под видом "обретения личного счастья», подставная турфирма. Олигархи, используя главного героя (двойника президента) и туристов "в темную", задумали незаметно подменить президента великой страны. Любовные приключения героев разнообразили: нашествие змеиных полчищ, атака акул, извержение вулкана. Начало заинтересовывает, окончание преподносит сюрприз. Для подготовки обложки издания использована генерация ИИ.

Анатолий Шинкин

Тихая замена

Глава 1 Полина Сергеевна

У художника был пустой кусок стены, за которым целый мир.

Мастер нарисовал картину, назвал "черный квадрат" и повесил на стену. Мир стал за "черным квадратом".

Когда женщина навязывается, мужчинка чувствует ненормальность ситуации и выставляет защиту

«Я инфантил и в этом не оригинален, поскольку имя нам – легион», – приподнялся, перевернул подушку и снова лег, забросив руки за голову, а ноги на спинку дивана. Тридцать пять, – учился ненужному, работал, где придется, бегал от любивших, догонял недоступных, спорил о неинтересном, – псу под хвост. Пора уже признаться, что вот такой я непутевый, живу кое-как, а случись повторить, пройду той же дорогой. Большой палец правой ноги назойливо белел через дырку в черном носке.

– Отрава. Пытаешься доказать себе, что свободен, а всего лишь, никому не нужен. Жениться что ли, опереться на хрупкое, но очень надежное женское плечо и прислонить ще-

ку к мягкой теплой груди. Нет, теплой и упругой.

Мысль не новая, но повседневно актуальная. Одиночество – штука небезобидная; у каждого свое: сколько людей, столько одиночеств. Кому-то достаточно побыть наедине с собой пять минут в день, и уже надоедает; другой бежит в свою капсулу и тщательно проверяет не забыл ли задвинуть засов. Люди – животные общественные. Полное одиночество – нонсенс. Отклонение, приводящее в деградацию, в манию, в суицид.

Надо выправлять ситуацию. Подцепил левой «полторашку» пива с пола, правой нетбук на живот притянул. Поиск единомышленников: «Ищу друга для секса без обязательств», «Познакомлюсь с неординарным парнем, поэтом и романтиком, для совместного творчества», «Нужен собеседник для утренних пробежек», «Девушка-спортсменка будет счастлива с другом-спортсменом».

«Отставной майор ПВО ищет хозяйственную милостивую женщину для дружной работы и вечернего досуга на даче», – лукавит майор; умолчал зараза о следующем за вечернем ночном досуге.

С кем прожить долго и счастливо и умереть в один день? Надеяться на счастье жизненный опыт не позволяет. Под светом надежды будущие времена кажутся лучше, а добредешь – те же.

За неполный день парад событий, которых утро не предвещало. ЖЭК "Уют", он же "Жилконтора" в "двушке" крайнего подъезда девятиэтажки, встретил утренней тишиной. Степан Сергеевич, работодатель для меня, электрика и группы дворников-гастарбайтеров, по-обыкновенно подкалывал очередной номер газеты "Ваши шесть соток" к подшивке, кивнул без улыбки, и взглядом указал на соседний стол: заявка на замену сантехники. Ничего необычного.

Забрал и перешел по двору во второй подъезд, попутно утреннему солнышку порадовавшись, в квартиру на лифте подъехал. Хозяйка – дама, болонка кудрявая, под сорок, в приятных теплых формах и по-утреннему формально подкрашенных бровях, ресницах и губах, обрадовалась, засуетилась, едва из серо-розового атласного халатика с перламутровыми пуговицами не выпрыгнула, возбужденно объясняя, как мучилась осознанием, что приходилось оправляться в унитаз, «как у всех».

– Стандартный, ... – женщина порывисто вздохнула, сглотнула, на левой щеке сверкнула небольшая горячая слеза. – Ну, вы меня понимаете!

– Понимаю, – промычал с показным дружелюбным сочувствием. Изобразив взгляд специалиста и ценителя, осмотрел приготовленный к замене толчок-«царский трон». Отступив на шаг, оценил ширину посадочного овала; окинул взглядом круп хозяйки, сравнивая параметры, кивнул одоб-

рительно. Интересно, чем подруга заработала на снежной белизны фарфоровое чудо? Вскинул вверх большие пальцы. – Прекрасный выбор. Ставим?

– Да, да, а я кофе сварю.

Кабинка не тесная, работается свободно. Быстренько управился с демонтажем, зачистил площадку, примерил подводку и отведение. Все удачно складывается, если не считать активного стремления дамы поучаствовать в обустройстве неординарно комфортного санузла.

– А рисунок на плитке будет виден? Бачок его не заслонит? – женщина наклонялась, чутко трогала, плавно обводила розовым пальчиком, с неброским голубоватым маникюром, узоры на кафеле, протискивалась между стеной и моим локтем, и пуговички на мягко скользящей по телу легкой одежде последовательно и неотвратно выпадали из петель.

На сороковой минуте мелькнули и контрастно подчеркнули молочную кожу узкие серенькие трусики, лифчика не наблюдалось изначально, и близко поставленные объемные емкости, на каждом движении задевая мое левое плечо, колыхались четко и слаженно, как солдаты кремлевского полка, красиво работали в паре.

Назойливо просилось в грубую мужскую ладонь сливочно белое круглое колено и чуть притенное, цвета деревенской

сметаны, явно знакомое с безопасным бритвенным станком, бархатистое плотное бедро. "На автомате" стянул вязаную перчатку, но благоразумие взяло верх, почесал голыми пальцами кончик носа и вернул перчатку на место.

Я честно старался не отвлекаться: дело прежде всего, но глаза у мужиков блудливы, природа определила и ничего с этим не поделает, только завершить поскорее установку «царского трона» и сбежать.

Ситуация далеко не перворазная и никогда ничем хорошим не заканчивалась. То девушка начинала на седьмой минуте чувствовать себя «в отношениях» и уже планировала совместный быт и проживание, то намеренно портила в своей квартире сантехнику и заваливала управляющую компанию «Уют» заявками на ремонт, то настоятельно требовала, с угрозой мер и санкций, от Степана Сергеевича повлиять и направить «вашего, который поматросил и бросил», завтра с паспортом к ЗАГСу.

Полигамны мужики, то есть, априори не виноваты. Жаль, женщины этого не знают и маниакально пытаются задержать около себя однажды допустившего слабость мужичка.

Полина Сергеевна – «можно просто Поля» – не молчала. С оттенком негодования отозвалась о бывшем, который – ... гад, бездельник и ревнивец на пустом месте. Все пытался с поличным застать.

– Застал?

– Вернулся с командировки на два дня раньше, – задыхалась негодуя, очевидно, заново переживая неприятный момент, но подробностями делиться не стала: женщины не склонны публично обсуждать свои постельные сцены, чужие – пожалуйста.

– Не понимаю мужиков, рвущихся застать жён с поличным, – умение влиться в тон и поддержать клиента у сантехников профессиональная черта, влияющая среди прочего и на гонорар, но сейчас я искренне сочувствовал "можно просто Поле". – Повод что ли для развода ищут. Не веришь – разводишься. А веришь, так и возвращайся из командировки, как обещал.

– Вот-вот, – мгновенно уцепилась за подсказку Поля, доверять надо самому близкому человеку, а не сразу на дыбы: "Развод, чемодан и девичья фамилия". Козел и моя вторая непоправимая ошибка. Единственный плюс: квартиру, машину и два магазина оставил.

– А первая "непоправимая ошибка"?

– Саид, в Анталии отдохнула. Дочке уже четырнадцать, красавица черноглазая, дочь "турецкоподданного", отправила на месяц в лагерь "для тинэйджеров", – улыбнулась снисходительно воспоминанию. – Ну, как ухаживал, как ухаживал! Цветы дарил, кофе подносил, не жалел по реалу за чашку. Использовал девичью доверчивость, а потом: "Извини, у

меня невеста. Наша встреча была ошибкой". Когда реал платил, о невесте не думал. И пусть подавится своим реалом.

– Урод, что тут скажешь. Первая любовь обросла обременением.

– Не обременением, а беременностью в реале, – вздохнула и усмехнулась следом, – а дальше распутыванием клубка проблем и надеждой на новую любовь и счастье.

Оставил при себе максимум из жизненного опыта, что женщины на ошибках не учатся, и повернулся к унитазу. "Царский трон" возвышался над обыденной реальностью, золотыми кромками подчеркивал снежную голубоватость фарфора. Белые квадраты, поменьше – "по-маленькому" и побольше – "по-большому", звали к действию. Не отказал себе в удовольствии и придавил большую. Внутри трона утробно рокотнул водопад. "Просто Поля" занесла чашечку кофе – обычай отмечать окончание работы на рабочем месте. Только порадоваться за тех, у кого рабочее место не туалет.

Следом притащила планшетку, с ноут размером, включила красочный сайт с зелеными пальмами и золотыми пляжами.

– Путевку взяла. Надо отдохнуть, развеяться, а может быть и счастье свое встретить.

– А зачем ехать? – промычал в полусогласие. – Для счастья можно полюбить себя и не забыть ответить взаимно-

стью.

– Ново и интересно, – удивилась Поля, плотно придвинулась и неожиданно сменила тему. – Ты по знаку кто?

– В смысле?

– По знаку Зодиака.

– Не интересовался, не моя тема. Родился в октябре семьдесят шестого...

– Мистика, – Поля вскинула голову, едва сама не подпрыгнула. – Весы, а по году Дракон, драконы как правило летают в облаках, то есть, в своих мечтах, но весы все уравнивают, противоречивый знак. Ты на президента похож. Только постричь и усы сбрить.

Будто сам не знаю. Потому не стригусь и усы отпустил. Президент на экранах круглые сутки, и ближние не стесняются отметить сходство и пошутить в меру примитивного юмора. Задолбали.

– А мистика в чем?

– К слову пришлось, не бери в голову, – и чуть отступила, загораживая выход.

Не расстегнутых пуговиц на халате осталось две: чуть выше пупка и на уровне предельно заниженной трусяной резинки, как чеки на гранате. Выдерни любую, и для меня наступит точка невозврата.

Спасительным рингтоном телефон потребовал дать "Ос-

кар этой богине"* , и голос Степана Сергеевича указал путь к свободе:

– Кот, все бросай и на цыпочках ко мне, – Кот от фамилии Кошкин, – у нас форс-мажор.

– Вот, начальство вызывает... срочно, – изобразил вино-вато-обещающую улыбку и торопливо закидал в ящик инструменты.

"Можно просто Поля" изначально стояла в середине дверного проема, но отвлеклась: романтично, но непредусмотрительно прислонилась к косяку, как селянка к березке на картинах художников-передвижников, ещё и правую коленку мечтательно подогнула, а я легко проскочил в приоткрывшуюся половину. Опасаясь погони, ринулся мимо лифта на лестницу.

* Шлягер

Глава 2 Изольда

*Никогда не знаешь заранее,
какой высоты пламя жжёт изнутри шею*

Давая себе возможность отдышаться, приостановился на ступенях, разглядывал беспорядочно бегающих, громко бес-связно орущих детишек за зеленой вертикальной решеткой и зевающую на лавочке неприметной внешности и неопре-

деленного возраста воспитку в бесформенной одежке. Детский сад: веселые игривые козлята с пастухом-воспитателем. Гомон неумолчный. Детишки, торопясь, захлебываясь, перебивая друг друга, голосом отстаивают личное "я". Несвязно, порой, плохо выговаривая буквы, шепелявя, дети учатся общаться и сотрудничать в группе. Природа определила, вот и следуют. Человек – стайно-стадное животное: кто первым выбрался наверх, спешит плюнуть вниз. Нижние тоже рвутся стать царем горы и взглянуть значительно на бывших друзей из детства.

Мало кому удастся преодолеть объединяющие инстинкты. У некоторых получается вырасти и сбросить овечью шкуру, другие, смиренно помекивая, бродят в отаре, тщательно маскируя клыки. Детсадовские группы, школьные классы, как десятилетний срок в общей камере; рабочие коллективы, в которых каждый сам за себя и сам по себе; офисные серпентарии-гадючники; армия, где "все вместе" с криком "Ура" выполняют приказ неадекватного командира. Переходя из стада в стадо, проживаем жизнь. Кто-то выбивается в пастыри, а "белых ворон" подъедают "санитары леса": бандиты, чиновники, гиперактивные соседи и сослуживцы. На склоне лет судьба и Родина дарят отдушину: индивид переходит в табун свободно пасущихся, одинаково думающих и голосующих "за начальство" пенсионеров.

Ни с чего на философию растянуло: наверное, кофе крепким через чур оказался. Сбежал благополучно, а настроение не улучшилось. Пожалуй, не стоило так поспешно ретироваться, но и возвращаться – смысла нет: все надо делать вовремя, в том числе и женщину любить. Как говорится: "Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня или не делать никогда".

Вышел на проспект и остановился у лотка с мороженым. Подождет Степан Сергеевич, благо, его жизненный опыт, пребывание сначала в Советском, а далее в Российском ПВО, подразумевал умение наблюдать и ждать.

Начинал на знаменитой "С-125", завалившей в Сербии легендарный американский Стелс, бомбардировщик-невидимку. «Эх, нас там не было, – едва не плакал в минуты откровения, – зассали наши братьям помочь, а то бы мы америкосам шансов не оставили». Уволился в звании майора и уже год возглавлял управляющую компанию «Уют».

– Мороженое, берем холодное. Подходим, не стесняемся. Молодой человек?

– Два сливочных, – отдал деньги и вернул один стаканчик лоточнице, полноватой, но с выраженной талией, широкими бедрами и объемной грудью, плотно обтянутыми розовой маечкой и брючками в цвет, улыбчивой дивчине. – Угощайся. Уже не молодой. Тридцать пять, списывать пора на свал-

ку личных несложившихся историй. Меня Андреем кличут.
– Знаю, – девушка лукаво улыбнулась, – я Изольда. Часто вижу, поинтересовалась у народа. Одна покупательница котом обозвала, типа, мартовским.

– Клевещут, Изольда. Я взрослею и с годами все меньше во мне от кота, да и память, куда от нее, регулярно и настойчиво ошибки молодости перед глазами перетряхивает – наминает и воспитывает – неумная; а народ искать далеко не приходится: куда ни глянь, везде он. Все знает, все видит и всегда готов обозвать, осудить и закидать камнями. Самые грубые, не поверишь, мартовского кота кобелем называют – вообще нонсенс, – взглянул на Изольду погрустневшим взглядом.

– Народ зря не скажет, а звание кобеля не только заслужить, но и неутомимо подтверждать надо, – Изольда, чуть наклонив румяную щеку к правому плечу, состроила сочувствующую гримаску. – Летнее обострение: голову напекло и началось брожение негатива. Не может быть, чтобы у молодого и симпатяги все было так плохо.

– Даже хуже. Приличные люди в тридцать пять умирают, нарожав детей, насочиняв поэм; посадив аллеи деревьев; построив башни, с небоскреб высотой; и оставляют добрую, светлую, теплую, смешную, скандальную, злую, хотя какую-то память.

– Так это в прошлом веке так было, а сейчас в тридцать пять только жизнь начинается, – девушка шевельнула бюстом вперед и вверх, отразила на румяных щеках оптимизм и позитив. – Я вот развязалась с бывшим и опять, как цветок. Улыбнулась удача, и дальше будет другая жизнь. Может быть с подобным же придурком, но одна ступень уже перешагнулась. Уезжаю днями на юга за счастьем.

Изольда нырнула левой рукой в кармашек на переднике и предъявила уже виденное час назад красочное аквамариново-лазурное изображение кораллового атолла в Южных Морях. Поверх картинки оранжевый слоган: «Тысяча долларов – это не дорого за счастье до конца жизни!»

– А конец жизни они тоже обещают? Рассказывай, раз начала. Покупатели в очередь не стоят, – оглянулся и откусил край вафельного стаканчика

– Я злилась, но стеснялась сказать, когда он коленями вперед забирался на кровать в очках, носках, часах и трусах; трусы стягивал под одеялом, – Изольда погрустнела взглядом. – Некоторое время пыхтел, сопел, стонал, упираясь ногами в носках в спинку кровати, царапая часами плечо и потея очками..., и уходил. – фалангой указательного пальца стерла слезу, усмехнулась ярко накрашенными алым полными губами и продолжила. – Встречались шесть лет, пока его

не задавила спешащая на пожар и, против обыкновения, с полной цистерной воды пожарная машина. – Изольда снова усмехнулась и оглянулась на прохожих, продолжила рассказ, глядя мимо меня. – Так ни разу не посмотрела и руками не потрогала, что же такое во мне регулярно присутствовало. Считай черствой или предательницей, но я целый месяц радовалась после обеда в пятницу своему одиночеству, а потом заскучала, и потекли воспоминания, как наказание. Ни лицо, ни руки, ни глаза, даже имя припоминала с трудом, а только очки, носки, часы и трусы, которые он снимал под одеялом.

– Тяжелый случай, ущербное счастье, – я старательно сдержал смех, – но, если путь определила, останавливаться не надо, чтоб не получилось, как у меня: одинок, свободен и сантехник.

– С чего-то начинать надо, лотерейку купить, вдруг ты не знаешь, а удача в тебя верит и направит.

– Если только пошутить захочет: у меня с фортуной отношения приятельски-дурашливые: то я ее подковырну, то она меня, потом вместе хохочем, ржем, веселимся. Иногда приколы получаются злыми, но между приятелями чего ни бывает?

– Надо верить, – Изольда, поймав волну наставника и учителя, подтянулась, посерьезнела и заговорила тоном пророка. – Вот как раз сейчас богиня в хорошем настроении. Решайся, сделай ставку.

– Была мысль попробовать, – настойчивость девушки вышла за рамки легкого трепса, пора закругляться. – Фортуна наверное надеется, что не пропьешь, не прогуляешь, а правильно распорядишься выигрышем, например, иностранное авто купишь,.. а мне ничего, кроме пропить-прогулять, в голову не приходит путевого. Не стоит и билет покупать.

– Вижу, – Изольда резко двинула вверх и агрессивно направила в мою сторону обширный бюст. – Пора совершить поступок. Женись, а то перед смертью воды не подадут. У меня случаются моменты ясновидения.

– Моменты или приступы?

– Окно откровений, и оно показывает, что твоя судьба рядом.

– Ах, Изольда, не сыпь мне соль на рану. Вот сейчас, как в анекдоте, пить не хочу.

– Спасибо, что выслушал, – Изольда внимательно окинула меня взглядом, будто рост измерила. – Возьми мороженого на дорожку, чтоб мозги не перегревались. Бесплатно.

– Спасибо. Нет взаимности со счастьем. Повеситься в пору, да кота некуда пристроить.

– А кота, как зовут?

– Серый, пушистик и красавец, с выдающимся хвостом.

– Так я могу взять.

– Котейку?

– Обоих.

– Обещаю подумать. Удачи, Изольда.

Глава 3 Степан Сергеевич

*Бог, наблюдая нас, уже протер
в недоумении "потыльцу" до лысины*

Однако, пора и к конторе подходить: пунктуального Степана Сергеевича опоздания подчиненных из себя выводят и вернуть обратно бывает затруднительно.

– Что случилось, Сергеич? Почему беспокоишь с ранья?

– Случилось, то и случилось, – Степан Сергеевич выглядел против обыкновения нездорово возбужденным, суетливо листал вздрагивающими пальцами свою "настольную книгу" – подшивку газеты "Ваши шесть соток". – В зеркало глянь. Не может глава государства одновременно страной рулить и прокладки в унитазах менять.

– Старая шутка.

– А проблема новая. Увольняешься ты, и я следом. Думал подработать к военной пенсии, а оно вона как. На дачу к кроликам и пчелам. Найду помощницу пофигуристей, чтоб на прополке округлостями любоваться. Уже и объяву на сайт знакомств закинул: «Отставной майор ПВО ищет хозяйственную миловидную женщину для дружной работы на даче.»

– Весело, Сергеич. Иногда возраст обременяет мудростью, но можно бороться, например, перейти на здоровый и скучный образ жизни. Так это от тебя? Видел. Теперь впору и мне креативное сочинить: «Тридцать пять, никто, свободен», – авось клонет неординарная принцесска, когда надоест залетных принцев в соцсетях матом отваживать. Своими планами бога смести, а ко мне, какие претензии?

– А нету претензий: руки на месте, голова работает, выпиваешь в меру. Унитазы, раковины устанавливаешь влет. Клиентки в восторге, мужа рекламаций не присылают.

– Лишь бы самим не работать... Проблема в чем?

– Претензии к твоей физии, она же фейс: нельзя смотрящего по стране лицом повторять. Они так прямо и сказали, – Степан Сергеевич замолчал и смотрел злым взглядом.

Пауза неприлично затягивалась. Пошутила надо мной природа, хоть в театр двойников иди работать. А вдруг я – это президентское «альтер эго» – второе я... или более молодая копия на случай, если оригинал устанет страной управлять, а достойного преемника нет. Самому смешно. Юмор компенсирует безысходность.

– Хорошо, что не спросили, с какой целью на первое лицо державы похож. Вопрос как обвинение, с последующей статьей. Они – это кто?

– Они серьезные ребята, в безупречно строгих костюмах.

Только посмотрели, даже говорить не начали, а у меня бывшего командира ракетного дивизиона ПВО, а мы бывшими не бываем, появились позывы к мочеиспусканию, а в низу живота отозвались признаки внезапной диареи.

– Шутишь?

– Ни один, заметь и намотай на ус, ни один из натовских пилотов, когда я ловил их в перекрестье прицела, не заподозрил меня в желании пошутить. Короче. Ты уволен и свободен. Вот зарплата за последний месяц и столько же сверху. Мы оба уволены. С теми ребятами даже взглядом встречаться не хочу: оттуда смерть наблюдает. Где их этому учат? – Степан Сергеевич боязливо оглянулся. – Улетаю на Сейшелы. Сто пятнадцать коралловых островов, неделя отдыха, и счастье до гробовой доски. Смотри на экран. – Повернул ноутбук экраном ко мне.

Впору засмеяться: третий раз за пол дня одна и та же картинка и смешная цена: «Тысяча баксов, срок исполнения – неделя, гарантия – вся оставшаяся жизнь».

– Возраст поджигает, клянусь себя: там не успел, здесь не доработал, где-то поленился, но задачи сделать мир лучше с себя не снимаю. Правду сказать, защищая от супостатов родное небо и спокойный сон наших людей, – Степан Сергеевич прихватил ноутбук двумя руками и напряженно рассматривал картинку. – В долгих ночных дежурствах хотелось до-

браться до их бесстыдных заокеанских пляжей и наказывать этих буржуинок просто и по-мужски, чтоб пищали и изви-вались от беспощадного напора советского бескомпромиссного офицера. Они же развратные, – Степан Сергеевич отодвинул ноут, перевернул страницу в подшивке и ткнул пальцем в заголовок, – ходят озабоченные голыми по Майями и никого не стесняются. Называются: "Нудисты".

– Краснею и бледнею от их распущенных нравов, Сергеич, – я постарался остаться серьезным. – И это только Майями, а что творится на ихнем Западе, который они сами обзывают "Диким" и в столице Запада, в насмешку названным Лос Анджелес, типа, Город Ангелов, но мы-то знаем, что это столица Чертей. Очень бы хотелось там побывать, да денег на билет нету.

– Прикалываешься, – Степан Сергеевич взглянул осуждающе и резюмировал. – Ничего святого.

– От души желаю достичь, Сергеич, и наказать врагов за развязанную, а теперь и выигранную ими Холодную войну, но... счастье – это не точка-полюс, для всех в одной стороне, месте и времени расположения, нет к нему общей дороги. Мне было уютно в вашем "Уюте".

Глава 4 Модельная соседка

Умная женщина никогда не "атакует в лоб",

а только провоцирует мужичка на "боевые действия"

Меньше, чем за три часа стал безработным по абсурдной причине. Да мало ли похожих? В детстве сосед по деревне вечерами с женой и немецкой овчаркой гуляли. Просто, трое близнецов. Нынешние собачники с питбулями, и не разберешь, кто из них собака: на всех бросаются. По принципу похожести выбирают не только собак и мужей, но и вообще все. У приятеля был "Москвич" – машина такая – одно лицо с хозяином. Сфотографировался рядом – сходство идеальное. И всех похожих поганой метлой гнать?

На пороге встретил Серый, взглянул требовательно и кивнул в сторону кухни.

– Не напрягайся, сейчас покормлю, – мимоходом поднял крышку нетбука. Во весь экран уже надоевший сайт и надпись: «Стань лучшим в команде!» – Кто-то, Серый, непонятно зачем мной заинтересовался. Жизнь обратила внимание... сквозь иронический прищур в перекрестье прицела.

Кот рожицу покривил, муркнул и о ногу потерялся. Серый и внешне красив – пушистик, и характером золото: никогда не говорит: "Мяу". Для привлечения внимания, требования, просьбы, выражения настроения только музыкально переливающееся "Му-р" или "Му-р-р". "-Р-" может продлеваться до бесконечности и даже дальше в зависимости от получае-

мого наслаждения. Живет с удовольствием.

А я, то от соседей отлаиваюсь, то на коллег рычу; то шипением об укусе предупреждаю, то скулю, когда самого цапнули. По черно-белому завидую Серому и учусь мурлыкать.

Подхватил красавца на руки. Кот потянулся, устраиваясь поудобнее. Придерживая Серого левой рукой, правой листал брачные объявления: «Стану женой и музой для поэта», «Обещаю заботиться и самозабвенно любить». Сайт знакомств: «Стройная, двести-сто шестьдесят-двести, хочу уехать из городской суеты». Попытался изобразить размер руками и едва не свалился с дивана, попутно вспомнил лоточницу Изольду.

Прежде, чем хотеть, правильно сформулируй свои хотения. Семейный союз не догма, не застывшая жесткая матрица, а тернистая тропа от радостной встречи, к счастью, разлуки или классическому упокоению "в один день", а, если повезет, то и час.

Надо шевелиться: теория без практики мертва, а древо жизни растет куда попало. Довериться раз в жизни профессионалам. Щелкнул «Брачные агентства», и браузер послушно показал пятьдесят тысяч страниц. Выбрать нужное сложнее, чем спутника жизни. Ткнул наудачу, в строке «О себе» врать не стал: «Тридцать пять, никто, свободен». Поднял кота перед собой.

– Познакомлюсь, оженюсь; стану добрейшей души человеком, ласковым отцом, заботливым мужем, доброжелательным другом... другу семьи. Соединю сердца с красоткой в отгороженном от мира уголке. Начало пути в ленивые кастрированные коты, – Серый напрягся, взглянул настороженно и дернулся. – Это я о себе. – Кот успокоился. – В замкнутом пространстве и соседка надоест, не только жена. Грустный юмор одиночества.

Пошарил рукой по полу, нащупал пульт и включил телевизор. Сразу отщелкнулся от как бы правдивых новостей, отвлекающих мозги обывателей от насущного и значимого. Умолчание – наиподлейший вид вранья, и в этом наше ТВ наиболее преуспело. Попал на бразильский сериал.

Красотка в шортиках и маечке и мачо в деловом костюме – супружеская пара. Взглядывают со значением, произносят фразы ни о чем. Как нелегко ему с женой-красоткой: то сам смотрит, то взгляд ощущает, то сам закурит, то она пиццу занесет, еще ночи в любви, без сна. Нет, жениться надо на некрасотках и лежать на диване перед телевизором не напрягаясь.

Не зашел чужой опыт. Выключил с досадой и пульт обратно на пол отправил. Покрутился на диване, в поисках удобной позы, кулаком подбородок подпер, как Роденовский "Мыслитель", но сообразил, не мое. Хлебнул пивка, закурил

и с котом на руках вышел на лестницу. Принятое решение побудило к движению и общению.

Навстречу девица из верхней квартиры. Салонно обихоженная блондинка модельного роста. Остренькие прядки волос, небрежно и будто случайно на лоб упавшие, матовую кожу лица подчеркивают. В цвет красного золота маникюр трехсантиметровый, бедра и ноги зеленой чувственно переливающейся юбкой до щиколоток возбуждающе обтянуты. Под белой полупрозрачной кофточкой грудки-грушки нервно призывно вздрагивают, остренькие соски изнутри ткань поглаживают, оживляют. На ногах лабутены, ярко красными подошвами ступеньки пересчитывают. Русалочка глаза-стая. Двумя пальчиками к губам стаканчик кофе поднесла, отхлебнула. Из сумочки сигаретку-соломинку выщелкнула. Я зажигалку поднес, подмигнул, улыбнувшись через силу.

– Здравствуй, русалка зеленоглазая. Не присмотришь за котиком недельку?.

Оставила недопитый стаканчик на перилах, кивнула с надменной иронией сквозь затемненные очки, будто мелочь в шапку швырнула. Гармонично выпирающие ниже трепетной спины булочки-батончики-ягодички приостановили движение на полушаге; вздрогнули, будто в раздумье, и вновь задвигались-закрутились в такт цоканью десятисантиметровых каблучков вниз к выходу. Обернулась:

– У тебя фамилия Кошкин. Не люблю котов, – прозвуча-

ло, как приговор, не в ее я формате. Все меньше русалок в наших колодцах.

Сглотнул слюну, допил кофе из стаканчика. «Три в одном», то самое, из пакетика двухрублевого, но преподнесла неординарно. Сунул окурок в консервную банку, к перилам привязанную. Окинул взглядом безжизненные фиолетовые панели, серую зашарканную лестницу, некогда белые стены в грязно желтых разводах, и настроение, без того минорное, осыпалось и покатилося вслед за скомканным пластиком мимо ступенек в сторону мусоропровода.

Вернулся в комнату, прикидывая на ходу, выдержит ли двойной компьютерный провод сто килограммов. Мимоходом в зеркале мелькнул и отвернулся. Попроситься в двойники, вдруг кому захочется с главой государства разобраться, а я уже наготове – "застрелите и утритеесь». Дожился до разговоров с котом и приколов над собой нелюбимым. Одиночество – брат нездоровых чувственных дум. Рад бы топить за позитив, но... оформляю в слова жизненный опыт, а в нем сплошная горчица.

Мысли никуда не денешь. Знаю многих, вырастивших сыновей, посадивших аллеи деревьев и настроивших кварталы домов. Так же грызут себя: недоделали, недодали, недосадили – клянут себя за лень, неуспешность, неумение. Навер-

ное, мысленно пожирать прожитую жизнь – это такой русский способ развлекаться. Самоедство.

Очередная полоса в жизни. Не совсем черная, а, скажем так, не хорошего цвета. Навязчивая идея отравляет жизнь и, впереди уже не светлое, а страшное будущее. Так бывает. Надо что-то менять: работу, друзей, место жительства, заменить идею фикс другой идеей, более светлой, а иначе съешь самого себя.

Ткнул кнопку ноута и увидел девять фотографий: пять женщин и четверо мужчин. С удивлением узнал Степана Сергеевича, Изольду, Полю и модельную соседку.

– Ба. Знакомые все лица!

Приятный баритон проворковал: «Every time,* даже когда не видишь цели, надо к ней идти, и цель сама найдет тебя и сделает счастливым!»

Экран нетбука светил красочным посланием и нагло врал о раздаче личного счастья на тропических островах. Цена вопроса – тысяча баксов, срок исполнения – неделя, гарантия – вся оставшаяся жизнь.

Еще раз внимательно прочитал страничку, пополняя список неисполнимых мечт, хотя... почему неисполнимых?

Полистал-подвигал пальцем по столу пятитысячные купюры, врученные Степаном Сергеевичем: «Счастье не деньги, его всегда мало, а, впрочем, и денег мало. Богаче не сде-

лают, беднее – некуда». Повеситься и на Сейшелах смогу.

"Надо что-то в жизни менять. Какой-никакой, а поступок, даже смелый. Добавить в скучную пустоту огонька и юмора, прозябать так с музыкой, – посмеялся над собой. – Решительность на инфантильность похожа, вроде бы и на судьбу надеюсь, но это не фатализм, а ожидание от моря погоды. Грустно." Оглянулся на кота.

– Куда ж тебя. Серый, пристроить?

* Каждый раз (англ.)

Глава 5 Общее в нас

Люди не устают разочаровывать и смешить Бога

В полупустом бизнес-классе «Боинга-747» неподвижно сидели и напряженно высматривали счастливую судьбу в спинках передних сидений девять, считая меня, особей "мужеска и женска" пола, приодетые турфирмой в ярко желтые майки, бело-серые полуштаны «бермуды» и фиолетовые банданы.

Перед стартом «огламуренный» голубоватый стюард, с модной стрижкой «пилотка» и обведенными красным губами, провел по салону модельную соседку. Девушка, узнав меня, гордо вскинула подбородок и манерно разместилась в задних креслах.

Впрочем, я в недоумении присматривался к теплой парочке: Степану Сергеевичу и Изольде. Память назойливо продиктовала: «Стройная, двести-сто шестьдесят-двести», – не «стройная», а «пышка-кругляшка». Грустно взглядывая голубыми глазками над румяными вздрагивающими щеками, повествовала соседу тяжелую историю, заставившую перечеркнуть унылое прошлое и отправиться за светлым будущим.

– Ни лицо, ни руки, ни глаза, даже имя припоминала с трудом, а только очки, носки, часы и трусы, которые он снимал под одеялом.

Внимательно дослушавший рассказ Степан Сергеевич, ерзяя широкими плечами, извлек из пакета подшивку газеты «Ваши шесть соток» и начал торопливо перелистывать.

– Вот, – победно ткнул в найденную полосу. – Довлеющий и угнетающий психику ряд воспоминаний. Только природа, взрыленная теплая земля грядок и внимательное участие близкого по духу доброго друга помогут вернуть душевное спокойствие.

Щеки пышки-кругляшки порозовели до багровости, а лицо под русой стрижкой «на пробор» выразило нетерпеливое желание дружно поработать с отставным ветераном ПВО.

– Да я хоть завтра на дачу, и... полоть, полоть, полоть, а потом из шланга поливать, поливать, поливать...

«Перед дачником» и пышкой поместились и заботли-

во старались не задевать друг друга коротко стриженный качок-красавец-брюнет с повадками перекормленного короткошерстного кота и гладкощёкая мощная красотка, из породы «девка-кобыла». Сходство дополняли густые обесцвеченные волосы, собранные перламутровой малиновой заколкой в «лошадиный хвост» и распирающие штанины «бермуд» крепкие бедра, предполагающие скрытый пока креслом мощный круп. Подаренная турфирмой много размерная майка на груди девушки плотно натянулась, гармонично завершая рисунок большого тела выдающимися формами.

В памяти всплыло словечко «секс-бомба»; красавице оно подходило без преувеличения. На поверхности души возбуждающе забулькатело черно-белое чувство зависти к пострадавшим от применения.

– Подружка двадцати шести лет, стройняшка и умница, Ленка Журавлева. Мечтала о женихе с трехсоттысячной зарплатой, а нашла со стотысячной и стала Синицыной, развелась и превратилась в "никто". Посвятила себя богу. Ходит в глухом и длинном черно-сером платье, на лице скорбно-постная мина, – грустно, но громко повествовала блондинка.

– Тупые, – соглашаясь, резюмировал Качок. – Нужно тебе триста тысяч, бери трех мужиков по сто или пять со средней зарплатой. Кстати, таких, как я, надо восемь, а то сразу в

монастырь. Ну, тупая!

– Ей бы с парнями кувыркаться да детей рожать, – блондинка, привлекая внимание, тронула Качка за плечо, – а она и себя обокрала, и кого-то, судьбой ей предназначенного, счастливым не сделала. Жаль дурочку, ... и себя жаль. Не дай Бог такой судьбы.

– А у меня приятель бросил пить и начал в храм заглядывать, – подхватил Качок. – Спрашиваю: «Как результаты?» Отвечает: «Нормально, – с половиной города переспал, приступаю к другой.»

– А он догадывается, что вторая половина города – это мужики? – пошутила блондинка.

– Секс не водка и не наркотик, даже не курение, – Качок внезапно возбуждился и покраснел. – Понимаю приятеля: секс – это здоровый образ жизни, а кому-то и спорт, и релаксация после запредельных нагрузок.

– И дорога к Храму Любви, – девушка легко засмеялась и примирительно прислонилась плечом. – Дарят другу любовь и ласку, и лицу партнера вреда не наносят.

И к бабушке не ходи: девушка-спортсменка и друг-спортсмен из компьютерного объявления.

Выпрямив узкую спинку и прикрыв бледными ладошками не распрямляющиеся коленки, нервно дергался и крутил лысоватой головенкой на тонкой шее тридцатилетний хлюпок, офисный крысеныш: никаких «обязательств» не потя-

нет; похоже, и потребности с трудом вытягивает. Вполголоса смущенно «изливал душу» Полине Сергеевне.

– У меня и девушка была. Любили, а секс не состоялся. Стеснялся попросить, она, скромная, не предлагала. Прочитал в проспекте турфирмы, «Если не счастлив сейчас, то «сейчас» может превратиться в судьбу». Взял кредит и поехал. Знакомые и родня воспринимают не то, чтобы неадекватом и придурком, но точно не от мира..., а я такой и есть.

Искренне раскрываясь, человек воплотился в диагноз. Смеяться грех, а, нет сил сдержаться. Не брутальный парень: сильных слов не говорит, поступков за гранью не совершает. Женщины таким на генном уровне, подспудно не доверяют: не кажется он надежным и защитником, но могут, реализуя материнский инстинкт, в сыновья взять.

– А по знаку Рыба или Овен?

– Не Рыба и не Овен. Скорпион я, – хлюпик-крысеныш приосанился, искоса взглянул на меня и вновь повернулся к спутнице.

Полина Сергеевна перебирала мелочевку в сумочке. Выглядела по-домашнему уютной и надежной; таких называют с расширением «тетя», – тетя Оля, тетя Паша, тетя Маша. В нашем случае, тетя Поля, так и буду к ней обращаться, дистанцию обозначать, чтобы мыслей глупых в головах не возникало. Выхватила у стюарда обед и заботливо, приговаривая и сюсюкая, хлюпика накормила.

– Компотик, – отпила глоток, причмокнула. – Скорпион двигается скрытно, а нападает внезапно. До дна, и ягодку на десерт.

Парочка меня заинтересовала, точнее, напрягли короткие, колючие, исподтишка, явно недружественные взгляды хлюпика. Торопливо пролистав в голове инфу о себе, не нашел ничего заслуживающего внимания посторонних и незнакомых, но отложил в мозгу закладочку: «Нота бене», обрати внимание, запомни хорошо, – ни рыба, ни мясо, но укусить может".

Назойливое бубнение в рифму и вальяжное цитирование классиков из школьной программы с головой выдало поэта и музу. Обернулся и удивился прическе Музы. Все цвета радуги на одной голове. Учебник физики за восьмой класс: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», – коричневый, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. Бездна креатива. Черная кудрявая шевелюра, горбатый нос и усы под ним – поэт. Прислушался.

– Низменные инстинкты все вытравил; только высокое искусство и чистота чувств на базе духовности, да, – на честном глазу уверял голос с кавказским оттенком за спинкой сиденья.

– Хорошо-то как, – из глубины души выдохнула «Муза» и начала рассказывать. – Пять лет тому бросила учительство-

вать и поклялась не возвращаться в школу, все только из-за низменных инстинктов молодой поросли... да и в своей голубушке десяток тараканов одномоментно обнаружила. Поначалу подающей надежды считалась, даже на «Учитель года» номинировали, а тут довела своих креативных противных до выпускного, ... на котором и оказалась самой сексуально востребованной. Вернулась утром уже «одухотворенной». Благо, папашка-мажор выдержал два года совместного житья, но «сделал ноги», едва на «официоз» намекнула. Теперь дочку воспитываю. Мажор в свите президента трется. Жаль, зарплата нищенская: всего десять тысяч на алименты присылает.

– Американских баксов?

– Русских рублей... раньше были деревянными, но сейчас здорово подешевели.

– Грустно, да, – снова сбился на кавказский акцент поэт. – Стихи слушай. Сам написал, да.

Осенний ветер листья закружат,
Клубясь в рекламном многоцветье;
И отдаленность, улицу ужа,
Мои мечты проводит в бесконечность. Да.

– Противоречивые, и оттого иногда внезапно грустные стихи, – приложив пальчик к уголку губ, комплиментарно оценила Муза и тем же пальчиком смахнула отсутствующую

на ресничке слезу.

Только поржать: где она противоречие и грусть рассмотрела? К поэтам и особенно поэтессам у меня не простое отношение. Студентом занимался в литературном объединении "Молодые голоса" и однажды удостоился общения с двумя подружками-поэтками. Ну, не умею я сказать, что стихи никакие: вдруг творческую искру убью. Чтоб не молчать, мычал поощрительно в течение двух часов и на свою беду разбудил творческую энергию. Девушки встречали меня на входе, и сразу начинали фонтанировать "новым я". Через два дня я забыл дорогу в дом творчества, и литература, потеряла перспективного автора.

Пролететь тысячи километров для встречи с доморощенным «неординарным» стихоплетом. Впрочем, охмуря девушку, в правильном направлении парень движется: чтобы создать шедевр, надо с Музой переспать. Поискал глазами, куда бы зацепить компьютерный шнур, и заметил наушники, надел торопливо. Указательным пальцем на дисплее выбрал «Music songs The Beatles. Любовь не купишь». Мысленно поблагодарил турфирму, второй раз остановившую суицид, и начал прикидывать, отчего вокруг "знакомые все лица". Склонность к иронии и критическому анализу у меня в крови.

Отвернулся к иллюминатору, накрылся пледом и захо-

хотал: перед глазами весь список утренних объявлений из компа. Отсмеявшись, попытался вычислить черта, собравшего «десять негрят» в одном рейсе на непонятную потеху; и бросил: слишком мало фактов. Решил разбираться с непонятками по мере поступления и накопления. Гора загадок неизбежно преобразуется в факты и выводы, количество сменяется качеством.

Запоминая лица, еще раз осмотрел салон. Герои с биографией. Все однажды или многожды обожглись на первой любви, теперь надеются поймать второй, а некоторые очередной шанс; пытаются стать счастливыми, учтя предыдущий негативный опыт.

Достал из рюкзака пачку разноцветных маркеров, выбрал побелее и нарисовал на своей бандане сердце, пронзенное стрелой. Улыбнулся во весь рот, и девушка-лошадь расцвела-заулыбалась, протянула руку за фломастерами. Качок-красавец прожег взглядом и так же прихватил пару карандашей. Девушка нарисовала призывно улыбающуюся сладострастную русалку, широкобедрую, как карась, и полногрудую, как сама. Радостно зарделась, когда двумя руками изобразил выдающийся бюст и с восторгом поднял большие пальцы вверх.

Стриженный качок, показывая рисунок, опустил бандану до кончика носа. Белым по фиолетовому череп и скрещенные кости, а внизу надпись: "Не влезай – убую!".

Девушка сложилась пополам и начала хохотать, самолет задрожал и затрясся; а обеспокоенный стюард, слезно морщась от бьющей по голубым глазам женской красоты, попросил тишины.

– Девушка не веселитесь так бурно, чтобы не создавать излишнюю турбулентность.

– Хотелось бы долететь благополучно, – напомнил о себе уязвленный качок.

Тело затекло, решил размяться. Подошел и наклонился к Степану Сергеевичу.

– Привет, Сергеич. Люди часто похожи на геометрические фигуры: есть прямоугольники, овалы, ромбы, квадраты; есть сплошь из тупых углов; отдельно народ отмечает круглых. Абстракционистам даже выдумывать не надо. Точно, как в нашей группе.

– Изольда, познакомься с нашим ЖЭКовским клоуном, – без радости представил меня Степан Сергеевич.

– Клоуном жить проще и свободней, в рамках своей дурости. Чем дурнее, тем свободней. Можно говорить, о чем умные молчат.

– Сама видишь: все шутит и шутит, и меня до инфаркта едва не дошутил.

– Мы с Изольдой знакомы, двести грамм мороженого на двоих съели, а шутки для клоуна – подушка безопасности. Чем смешнее шучу, тем от плахи дальше.

– Чур-чур, тебя, – Степан Сергеевич торопливо листал подшивку «Ваши шесть соток». – Слова материальны: могут голосом отозваться и подзатыльником приложить.

– А я сразу заметила: улыбаешься ты грустно, – сочувственно отозвалась Изольда. – Пристроил котейку?

– Нашлись сердобольные старички снизу, взяли Серого на пансион, а юмор без грусти-печали – тупое ржание. Будем печалиться в поисках осмысленных улыбок. Сергеич, что там с маршрутом и местом назначения?

– Уже почти на Сейшелах, – Степан Сергеевич прихлопнул ладонью подшивку. – Пересаживаемся в гидросамолет, и через пол часа десантируемся на коралловый атолл, а там счастья на всех хватит.

– Красава, Сергеич. Ты уже шутить начал.

– Заразительны дурные примеры.

Глава 6 Песчаный берег, пенистый прибой

Еще и врут, будто мы произошли от обезьян.

Ни хрена пока не произошло и уже не произойдем

После посадки в тропическом аэропорту, ожидая продолжения путешествия, потолклись перед памятниками аборигенам без лиц: парню с гитарой и девушке с «тамтамом», туземным барабаном. Безостановочно крутившая по сторонам

остреньким "буратинным" носом под разноцветной челкой Муза вдруг разразилась речью.

– Обратили внимание, голуби на памятники не садятся. "Посадочные места" на памятниках скульпторы иголками вооружают и правильно делают: памятники – это история. Плохая ли, хорошая ли – другой вопрос. Срать на свою историю и самим не достойно и другим позволять нельзя, даже птицам, даже высокого полета.

Особенно удивился резкому гласу субтильной чужеземки водитель подкатившего открытого микроавтобуса, тощий белозубый, черноусый мулат. Недоуменно и безотрывно, пока мы грузились, то пялился на разноцветную пигалицу, то переводил озадаченный взгляд на скульптуру. Очнулся, когда его нижняя челюсть громко ударилась о его же грудную клетку. Подтянув губу, слюни и челюсть на место, рявкнул что-то вроде: «Чингас! Эйсгёрл, стоп де маднесэбавт де Рок»*, – и неспешно повез в дальний конец аэропорта к самолетику на колесах-поплавках. Едва успел прочитать надпись над терминалом «Л.Ф.Вэйд Интернэшнл Аэропорт». Ассоциации с Сейшелами не возникло. Покосился на штаны, и в мозгу почему-то всплыло название «Бермуды». Мать твою, уже не скучно.

Роль стюарда теперь исполнял второй пилот, баскетбольного сложения усатый негр, которому, лишь взглянув на раз-

дувающиеся ноздри приплюснутого носа, уже не хотелось возражать, он выдал каждому спас-жилет и парашют и предложил надеть.

– Этот сверху, снизу тот.

Пышка «двести-сто шестьдесят-двести», пока стюард, с выступившей на губах слюной, вожделенно сопя и страстно потея, пытался умять лямками парашютных ремней и мускулистыми чёрными руками ее пышные «два по сто» в единое компактное «двести», утробно захихикала:

– Говорят, негры никогда, ничего и никого не стесняются; ведут себя просто и естественно, особенно в постели, – это и принесло им славу великолепных любовников, а вовсе не размер...

– Голодной куме хлеб на уме, – укоризненно покивала мягким подбородком Полина Сергеевна, она же тетя Поля.

– Не хлеб, а..., – торопливо собрался пошутить поэт, но оборвал фразу после короткого удара Музы остреньким кулачком по ребрам.

– Не будь пошляком.

– Убить нас хотят, а деньги присвоить, – заскулил, тычась носом меж крутых холмов тетя Полиной груди, хлюпик.

– Бог с тобой, – нежно одернула мудрая тетя Поля, – за тысячу баксов так далеко убивать не возят.

– Поддерживаю, – солидно пробасил Степан Сергеевич, пихая в пакет свои «Ваши шесть соток». – За маленькие

деньги особо изощряться не будут. Тюкнули по головке на выходе из лифта, деньги забрали, а ты и возразить не успеешь.

Стюард-пилот-негр распахнул дверь, выглянул, остужая встречным ветром разгоряченное лицо, и жестом пригласил выметаться.

– Кольцо дергать нет, – пояснил на языке Пушкина и Гоголя. – Открывайся сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.